

УДК 821.161.1-192(Сурганова С.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)64-8,445
Код ВАК 10.01.01
ГРНТИ 17.07.41

А. С. АФАНАСЬЕВ

Казань

**КУЛЬТУРНЫЙ КОД В СТРУКТУРЕ БИОГРАФИЧЕСКОГО МИФА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКОГО СБОРНИКА
С. Я. СУРГАНОВОЙ «ТЕТРАДЬ СЛОВ»)**

Аннотация. В данной статье проделано исследование в рамках одного из основных направлений современной гуманитаристики – мифомоделирования. В качестве предмета исследования был избран биографический миф рок-поэтессы С. Я. Сургановой. На примере сборника стихотворений «Тетрадь слов» были рассмотрены основные способы репрезентации культурного кода в биографическом мифе поэта: интертекстуальность, образ лирического героя, структура сборника.

Ключевые слова: рок-поэзия, культурный код, биографические мифы, поэтическое творчество, поэтические образы, интертекстуальность.

Сведения об авторе: Афанасьев Антон Сергеевич, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы Казанского (Приволжского) федерального университета.

Контакты: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18; a.s.afanasyev@mail.ru.

A. S. AFANASEV

Kazan

**CULTURE CODE IN BIOGRAPHICAL MYTH STRUCTURE
(A CASE STUDY OF POEM COLLECTION
«NOTEBOOK OF WORDS» BY S. Y. SURGANOVA)**

Abstract. Current article is a research within one of the major modern humanitaristics branches – myth modeling. As the subject of the study was elected biographical myth rock-poet S. Y. Surganova. A case study of poem collection's «Notebook of Words» major means of cultural code representation in biography myth of the poet have been examined: inter-textuality, persona figure, collection of poems structure.

Key words: rock poetry, cultural code, biography myths, poetry, poetic images, inter-textuality.

About the author: Afanasev Anton Sergeevich, PhD of Philological Science, Assistant professor of Department of Russian and foreign literature at Kazan (Volga region) Federal University.

Проблема биографического мифа в рокологии не нова. На сегодняшний день существуют две крупные работы, посвящённые данному вопросу. Это пособие к спецсеминару Ю. В. Доманского «“Тексты смерти” русского рока» (2000) [2] и монография О. Э. Никитиной «Биографические мифы о русских рок-поэтах» (2011) [4]. Данная статья является своеобразным продолжением исследования феномена биографического мифа в русском роке, только материалом здесь послужат не признанные классики этого жанра (В. Цой, БГ, Майк Науменко, А. Башлачёв), а представительницы женского рока. Мы не ставили своей задачей выстроить биографический миф отдельных персоналий. Здесь нам хотелось бы вычленить универсальный код, который бы присутствовал во многих (если не во всех) женских биографических мифах. Таким кодом стал код культуры.

Как нам представляется, понятие «код культуры» женской рок-поэзии нужно отделить от понятия «интертекстуальность», о которой было уже много сказано относительно рока. На раннем этапе развития русского рока (Майк, БГ, Цой) интертекстуальность (вербальная и музыкальная) связывалась с достаточно большим количеством заимствований из рока западного [см., например, 6], её более позднее существование может быть обусловлено общей постмодернистской ситуацией. В женской рок-поэзии существует установка не столько войти в диалог с другим автором или поиграть с ним, сколько вписать своё творчество в поэтическую традицию и идти не против течения, обособляясь от литературного процесса, а включиться в него. Эту мысль мы попытаемся проследить, анализируя поэтический сборник Светланы Яковлевны Сургановой «Тетрадь слов». Это единственное на данный момент издание её стихотворений. Выбор данного автора и его художественного творчества объясняется тем, что С. Я. Сурганова достаточно последовательно и декларативно занимается конструированием биографического мифа, где главным смыслопорождающим элементом становится «чужое» слово.

Методологической базой исследования послужили структуралистские идеи Р. Барта, в частности, теория текстового анализа сквозь призму кодовых полей. По терминологии исследователя, «код – это перспектива цитации, мираж, сотканный из структур; <...>; порождаемые им единицы <...> сами суть не что иное, как текстовые выходы, отмеченные указателями, знаками того, что здесь допустимо отступление во все прочие области каталога <...>; всё это осколки чего-то, что *уже* было читано, видно, совершено, пережито: код и есть след этого *уже*» (курсив автора – А.А.) [1]. А поскольку, как уже было отмечено выше, для сургановского мифа характерно использование «чужого» слова, то из пяти предложенных французским структуралистом кодов необходимо проанализировать именно культурный код.

Проведённый анализ выявил три основных способа бытования «чужого» слова в структуре «Тетради слов».

1) Включение в авторский поэтический сборник произведений, не принадлежащих С. Я. Сургановой.

Композиционно «Тетрадь слов» состоит из четырёх разделов (это может служить одним из объяснений выбранного поэтессой «жанра» – слово «tetra» в переводе с греческого языка – «четыре»): «предисловие», «песенные тексты», «стихийные стихи» и «любимые цитаты». В данном случае нас будут интересовать три последних раздела. «Любимые цитаты», как понятно из названия, представляют собой полностью чужие тексты, «стихийные стихи» – исключительно творения С. Я. Сургановой. А 83 произведения, составляющие «песенные тексты», можно распределить по следующим группам:

- а) в 56 случаях авторство принадлежит С. Я. Сургановой;
- б) 8 текстов написаны поэтессой в соавторстве;
- в) авторство 19 текстов С. Я. Сургановой не принадлежит¹.

Таким образом, мы наблюдаем интересный случай. В авторском сборнике (а он представляется именно таковым; на это указывает вынесенная фамилия автора, в отличие, например, от антологических изданий) помимо «своих» текстов оказываются «чужие», причём в немалом количестве (в «песенных текстах» – 1/3 – если относить к «чужим» текстам произведения, написанные в соавторстве, или 1/4 – если их не учитывать). Среди авторов, чьи произведения вошли в сборник С. Я. Сургановой, присутствуют как классики русской и мировой поэзии (Гумилёв, Бродский, Беранже, Лорка), так и современные поэты (профессионалы и любители) – друзья С. Я. Сургановой.

Отмечая особенности состава произведений, входящих в «Тетрадь слов», поэтесса говорит о том, что «в основном это тексты моего собственного сочинения, но есть и чужие, которые когда-то нашли отклик в моей душе» [7, с. 15]. Прокомментировать слова С. Я. Сургановой представляется возможным цитатой А. Э. Скворцова, который похожим образом сформулировал отношение лирического героя Д. Самойлова к «чужому наследию»: «...то, что я люблю, не может быть не моим, не может быть не мной» [5].

Подобная модель «присвоения» «чужих» текстов С. Я. Сургановой напоминает структуру дневника, когда в него вносятся не только свои сокровенные мысли и творческие опыты, но и любимые стихотворения, прозаические тексты, цитаты, автору дневника не принадлежащие (об этом будет сказано ниже). Этот жест является не только показателем открытости поэтессы для читателя («смотрите, какие поэты мне близки, я ничего не скрываю от вас»). «Чужие» тексты наравне со «своими» принимают участие в создании биографического мифа С. Я. Сургановой и в таком контексте воспринимаются поэтессой как «свои». Так, например, стихотворения В. Смирнова достраивают любовную лирику С. Я. Сургановой, особенно тот блок произведений, в которых лирический герой/героиня

¹ Авторами стихотворений являются (в скобках указано количество текстов) В. Смирнов (4), М. Бернадская (1), П. Ж. Беранже в переводе В. Курочкина (1), Т. Хмельник (4), М. Чен (3), Ф.-Г. Лорка в переводе В. Парнаха (1), М. Крылов (1), Н. Гумилёв (1), И. Бродский (1), К. Левина (1), автор стихотворения неизвестен (1).

признаётся в своих чувствах возлюбленной. Тексты Т. Хмельник и М. Чен как «свои» входят в философскую лирику поэтессы, практически по-сургановски раскрывая проблему взаимоотношения жизни и смерти.

2) Жанровое своеобразие сборника.

Вынесенный в название жанр – «тетрадь» – выше был объяснён нами с архитектурной точки зрения. Однако очевидна и другая интерпретация, сакцентированная самой С. Я. Сургановой. Для поэтессы её книга – «это своеобразная эмоционально-чувственная автобиография» [7, с. 7], «мои очарования, мои симпатии, всплески и рефлексии» [7, с. 6]. Всё это сближает книгу С. Я. Сургановой с дневниковой литературой, а, в частности, с лучшими образцами женского творчества в этой области – «Дневником» М. Башкирцевой и «поэзией собственных имён» М. И. Цветаевой.

Дневниковость сборника проявляется на разных уровнях. Во-первых, как уже отмечалось, это уровень структуры. Каждый дневник по сложившейся традиции предваряется своеобразным предисловием, в котором автор объясняет причины, побудившие его начать вести дневниковые записи, а также кругом предполагаемых реципиентов (ведь когда-нибудь этот дневник кто-то обязательно прочтёт!). В «Тетради слов» перед «официальным» предисловием среди «благодарностей» и слов «от друзей» присутствует вставка «Как, зачем и для кого», объясняющая мотивы создания сборника, круг будущих читателей, обращение к своим друзьям. Также выдерживается хронологический принцип размещения стихотворений в «Тетради слов», имеются фотографии (в том числе из личного архива), авторские рисунки, что работает на создание «симулякра» дневника.

Специфика структурной особенности заключается и в наличии прозаических комментариев поэтических текстов. Около половины стихотворений сопровождает автометатекст – уточняющее высказывание автора относительно своего произведения до или после его озвучивания. Этот термин чаще всего используется при анализе композиций в рамках концерта, но нам представляется возможным употреблять его и в контексте стихотворного сборника С. Я. Сургановой.

Одна из функций автометатекста в «Тетради слов» – стилизация под «поэзию собственных имён» М. И. Цветаевой. «В.А.С.», «О.И.», «Петр Малаховский», «Марина Чен», «Татьяна Хмельник», «Н.А.», «Д.А.», «Валерий Тхай» – вот далеко неполный список действующих лиц из комментариев С. Я. Сургановой. Их включенность в общую структуру сборника поддерживает общий эмоциональный тон открытости, интимности и правдивости изложения.

Кроме этого, обнаруживается ещё одна важная в контексте нашего исследования функция – авторские комментарии способны ремифилогизировать художественные тексты: переакцентировать уже имеющиеся смыслы, развернуть намеченную интенцию, обнажить автобиографический подтекст и т. д. Так, например, выполненная в стиле цолевской песни «Мама, мы все тяжело больны» и образцовых композиций «Агаты Кристи» мрачная, жёсткая «Песенка злобного мальчика» разрушает выстраиваемый

в сборнике образ рефлектирующей и философствующей лирической героини (подробнее см. ниже). Восстановлению столь продолжительно и старательно создаваемого характера способствует следующий автометапаратекст: «Песня-шутка, песня-недоразумение. Не стоит воспринимать серьёзно – просто эмоциональная разрядка» [7, с. 131].

Автометапаратекст заявляется и в разделе «любимые цитаты». По признанию С. Я. Сургановой, «ходячим цитатником» для неё выступает Ф. Г. Раневская. В качестве примера приводится высказывание: «Лесбиянство, гомосексуализм, мазохизм, садизм – это не извращения. Извращений, собственно, только два: хоккей на траве и балет на льду» [7, с. 316]. Мы приведём лишь конец комментария С. Я. Сургановой: «Вот, например, цитата про лесбиянство – ну как я могла пройти мимо? :)» [7, с. 316]. Здесь нетрадиционная сексуальная ориентация С. Я. Сургановой не скрывается, а подчёркнуто обнажается, что укореняет данный элемент в биографическом мифе поэтессы. Смайлик в конце предложения может указывать и на остроумный риторический вопрос, и на лёгкую самоиронию.

3) Образ лирической героини.

Первое стихотворение, открывающее «Тетрадь слов» – «Дождик» – датировано 1984 годом, последнее – 2010 годом. Безусловно, за эти 26 лет образ лирической героини С. Я. Сургановой претерпел изменения. Но этот же промежуток времени позволяет увидеть её константные черты и характеристики.

Лирическая героиня С. Я. Сургановой осознаёт трагизм, имеющий место в окружающем мире, ощущает постоянное сопровождение смерти, которая забирает в своё царство близких людей (а когда-то чуть было и не увела саму С. Я. Сурганову – поэтесса победила рак кишечника). Однако говорить о пессимизме как основе мировоззрения героини нельзя. Несмотря на знание о трагичности бытия, лирическая героиня исполнена жаждой жизни, любви, творчества. Пафос большинства текстов жизнеутверждающий и мажорный – нужно быть вопреки всему. Если что-то не получается, всегда можно начать всё сначала. А к смерти необходимо относиться как чему-то неизбежному, смерть сродни рождению (в этом смысле показательным является своеобразная диалогия: «Я вновь уйду» С. Сургановой и «Я уйду так же тихо» М. Чен).

Тема смерти и её частного случая – самоубийства – в русском роке является одной из самых востребованных (см, например, [3]). Причём смерть тематизируется не только в художественных произведениях – смерть в мифе рок-поэтов создала свой текст [2]. Поэтому каждое новое поколение рокеров так или иначе с самого начала сознательно или бессознательно впитывает этот мортальный код и репрезентирует его либо в творчестве, либо в жизни.

В сборнике С. Я. Сургановой «Тетрадь слов» смерть, являющаяся предметом размышлений лирической героини, кодируется не только через контекст рок-культуры, но и через мифологию жизни и творчества М.И. Цветаевой.

С. Я. Сурганова в разработке темы самоубийства обращается к раннему творчеству М. И. Цветаевой – к тем стихотворениям, в которых актуализируется мотив детского самоубийства: «Серёже», «Самоубийство», «Памяти Нины Джавах», «Людовик XVII», «Маленький паж». Характерно, что тема самоубийства наиболее декларативно заявляется у С. Я. Сургановой также именно на начальном этапе творчества. Показательным в данном случае является произведение «Здание красят», которое становится поэтическим палимпсестом цветаевского стихотворения «Жертвам школьных сумерок». К тому же за поэтическим текстом следует комментарий С. Я. Сургановой: «Мы вместе учились – прекрасная, живая, тонкая девочка. Однажды, выглянув во двор школы, я увидела её, распластанную на снегу, бледную, как этот самый снег. Просто шагнула из окна. Проблемы дома, несчастная любовь, и – вот такой итог... Моя первая встреча со смертью – невероятное потрясение» [7, с. 44]. Тексты М. И. Цветаевой и С. Я. Сургановой объединяют смерть юной девочки/школьницы и внутренняя рефлексия лирической героини и размышление о причинах самоубийства; наблюдается переключки мифопоэтических образов («заря» у М. И. Цветаевой – «весна», «тень» у С. Я. Сургановой).

Присутствие лирической героини М. И. Цветаевой ощущается в лирической героине С. Я. Сургановой через такое качество как крылатость. Крылатость цветаевской героини – её богоизбранность, душевная возвышенность над земным бытом и уход в бытие, знак отличия от остальных (в стихотворении «Душа» из сборника «После России» читаем: «Шестикрылая, ра – душная, / Между мнимыми – ниц! – сущая, / Не задумана вашими тушами / Ду – ша!» [9, с. 164]). В связи с этим частотной становится актуализация поэтессой образа ангела как «брата» лирической героини, всегда приходящего ей на помощь («Два ангела, два белых брата...»).

Частный случай крылатости – принадлежность к искусству, в частности, к поэтическому творчеству (в данном случае в качестве архетипа мог быть выбран крылатый конь Пегас). Примером этого могут служить «Стихи к Блоку» («О поглядите, как / Веки ввалились тёмные! / О поглядите, как / Крылья его поломаны» [8, с. 292]), «Не проломанное ребро – / Переломанное крыло» [8, с. 296] – смерть поэта метафорически выражается через потерю крыльев), «Ахматовой» («← Будет крылышки трепать / О бульжники! / Чернокрыльонька моя! Чернокнижница!» [9, с. 80]), а также автобиографическое стихотворение 1933 года «Стол», совмещающее оба проявления крылатости («Каплуном-то вместо голубя / – Порох! Душа – при вскрытии. / А меня положат – голу: / Два крыла прикрываем» [9, с. 314]).

Крылатость присуща и лирической героине С. Я. Сургановой. Но если в цветаевской лирике крылатой в первую очередь становится душа (хрестоматийное «Если душа родилась крылатой»), то у сургановской героини крылья ощущаются почти физически, являются частью тела: «Я уйду так же тихо, / как когда-то пришла, – / ни рыданий, вскрика, / ни взмаха крыла» [7, с. 104]. Рыдание, вскрик и крыло здесь находятся в одном синонимическом ряду, что уравнивает человеческое и не-человеческое в образе.

Крылья лирической героини становятся своеобразным напоминанием о смерти: они способствуют установлению связи между миром земным и небесным. Декларативно это заявляется в стихотворении «В небе полно звезд»: «За твоей спиной усталость и боль, / только это всё ты не бери с собой. / В ту дорогу, что я приглашаю тебя, / мы возьмём десять струн и четыре крыла» [7, с. 96]. И так же, как и у М. И. Цветаевой, другом, наставником и помощником выступает ангел («Ангел во плоти»).

Таким образом, проделанный анализ позволяет вычленить в творчестве современной рок-поэтессы традиции русской классической литературы и культуры. Представляется перспективным исследование культурного кода в современных художественных текстах для прояснения глубинных смыслов произведения.

Литература

1. *Барт Р. S/Z* [Текст] / Р. Барт. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 45.
2. *Доманский Ю. В.* «Тексты смерти» русского рока [Текст] / Ю. В. Доманский. – Тверь, 2000. – 109 с.
3. *Иеромонах Григорий (С. М. Лурье).* Смерть и самоубийство как фундаментальные концепции русского рока [Электронный ресурс] / Иеромонах Григорий (С. М. Лурье) // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сборник научных трудов. – Тверь, 2002. – Выпуск 6. – Режим доступа: <http://japson.ru/gold/books-r/poeza6/poeza6.htm> (дата обращения: 27.12.2016).
4. *Никитина О. Э.* Биографические мифы о русских рок-поэтах [Текст] / О. Э. Никитина. – СПб.: Гуманитарная Академия, 2011. – 350 с.
5. *Скворцов А. Э.* Игра в современной русской поэзии [Текст] / А. Э. Скворцов. – Казань: Издательство Казанского университета, 2005. – 364 с.
6. *Скворцов А. Э.* Песни Михаила Науменко и их западные образцы [Текст] / А. Э. Скворцов. // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сб. науч. тр. – Екатеринбург; Тверь, 2014. – Вып. 15. – С.102–128.
7. *Сурганова С.* Тетрадь слов [Текст] / С. Я. Сурганова. – М.: Астрель; СПб.: Астрель-СПб., 2012. – 316 с.
8. *Цветаева М. И.* Собрание сочинений: в 7 т. [Текст] / М. И. Цветаева. – М.: Эллис Лак, 1994. – Т. 1. – 640 с.
9. *Цветаева М. И.* Собрание сочинений: в 7 т. [Текст] / М. И. Цветаева. – М.: Эллис Лак, 1994. – Т. 2. – 592 с.